

А. Н. Лякин

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Интенсивность и направленность структурных сдвигов в российской экономике варьировали на протяжении всего периода постсоциалистического развития. В рамках настоящей статьи делается попытка оценить, как менялась их интенсивность в зависимости от состояния конъюнктуры, в периоды рецессии или роста, протекали ли отраслевые изменения под давлением рыночного спроса, либо складывающиеся пропорции формировались под воздействием целенаправленной государственной политики.

Интенсивность структурных сдвигов в российской экономике

Неблагоприятный характер сдвигов, протекающих в российской экономике, отмечается всеми исследователями, работающими в области макроэкономической динамики, изучающими особенности российского роста последнего десятилетия, конкурентоспособность экономики России. В этой связи целесообразно, прежде всего, сослаться на дискуссию о необходимости новой индустриализации в российской экономике, проводившейся журналом «Экономист» [1–4]. В то же время характеристики структурных изменений имеют по преимуществу описательный характер. Отмечаются рост доли добывающей промышленности в выпуске и сокращение обрабатывающей [5, с. 36], уменьшение доли отраслей, производящих наукоемкую продукцию, в совокупной добавленной стоимости, снижение объемов производства в машиностроении [6, с. 24] — все эти оценки, будучи, безусловно, справедливыми, не показывают масштабы протекающих сдвигов, их зависимость от экономической динамики, направленность структурных изменений.

Интерес к количественной оценке структурных сдвигов, происходящих в ходе экономического роста, к анализу взаимосвязи их интенсивности и темпов роста повышается в периоды, переломные для экономического развития страны. В советское время такие исследования появлялись в 1960-е и конце 1980-х годов. Прежде всего, необходимо отметить работы Л. С. Казинца [7; 8], предложившего методику статистических измерений структурных сдвигов, используемую по настоящее время. Автором был разработан ряд показателей, из которых чаще всего в экономической литературе применяется следующий коэффициент:

Александр Николаевич ЛЯКИН — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и экономической политики экономического факультета СПбГУ. В 1980 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1984 г. защитил кандидатскую, в 2003 — докторскую диссертации. В 2005 г. получил звание профессора. Научные интересы — корпоративное управление, приватизация, государственное регулирование и экономическая политика. Автор более 80 научных работ, в том числе четырех монографий (одной индивидуальной) и двух учебных пособий (в соавторстве); e-mail: anlyakin@mail.ru

© А. Н. Лякин, 2013

$$K_t^K = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |x_{it} - x_{it-1}|, \quad (1)$$

где x_{it} — доля i -й отрасли в валовом показателе в период t ,
 $x_{it-1} \geq 0$; $x_{it} \geq 0$; $\sum x_{it-1} = \sum x_{it} = 1$; n — количество элементов структуры.

В конце 1980-х годов появляется ряд работ, в которых структурные изменения связываются с интенсификацией производства [9–11]. Постановка вопроса в работах того периода во многом перекликалась с сегодняшней. Решающее значение для долгосрочного устойчивого экономического роста придается формированию воспроизводственных пропорций, обеспечивающих эффективное использование ресурсов.

Для расчета коэффициентов структурных изменений наряду с уже упомянутым коэффициентом средних отклонений элементов структуры Л. С. Казинца в экономической статистике активно используются следующие:

интегральный коэффициент К. Гатева:

$$K_t^G = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_{it} - x_{it-1})^2}}{\sqrt{\sum_{i=1}^n x_{it}^2 + \sum_{i=1}^n x_{it-1}^2}}, \quad (2)$$

где x_{it} — доля i -й отрасли в валовом показателе в период t ,
 $x_{it-1} \geq 0$; $x_{it} \geq 0$; $\sum x_{it-1} = \sum x_{it} = 1$; n — количество элементов структуры;

критерий В. М. Рябцева:

$$K_t^P = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_{it} - x_{it-1})^2}}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_{it} + x_{it-1})^2}}, \quad (3)$$

где x_{it} — доля i -й отрасли в валовом показателе в период t ,
 $x_{it-1} \geq 0$; $x_{it} \geq 0$; $\sum x_{it-1} = \sum x_{it} = 1$; n — количество элементов структуры.

Все приведенные выше коэффициенты построены на принципе измеримости структурных сдвигов через оценку отклонения удельного веса и доли соответствующего элемента структуры в данный период времени к предшествующему. При этом рассчитывается или среднее отклонение разности удельных весов элементов совокупности (1), или среднеквадратичное отклонение разности удельных весов, отнесенное к сумме удельных весов (2) и (3). В любом случае индексы построены таким образом, что если структура остается неизменной, то их значение будет равно нулю, и чем выше значение индекса, тем более радикальные сдвиги происходят в структуре совокупности.

Однако все эти методы оценки структурных сдвигов не дают качественных характеристик происходящих процессов — идет ли усложнение структуры, диверсификация экономики или, наоборот, ее упрощение, возрастает или сокращается удельный вес отраслей с высокой добавленной стоимостью — коэффициенты показывают только интенсивность протекающих сдвигов.

Главными проблемами при расчете любых коэффициентов, характеризующих структурные сдвиги, являются определение набора используемых для расчета отраслей и преодоление сложностей, обусловленных изменением статистической методологии за рассматриваемый период и нивелированием колебаний относительных цен. Абсолютные значения коэффициентов, рассчитанных по укрупненной секторной структуре или по отраслям и подотраслям экономики, очевидно, не будут совпадать. Так, если за рассматриваемый период внутри сектора происходили существенные и разнонаправленные изменения по входящим в него отраслям и подотраслям, они могли взаимопогашаться, и доля самого сектора в ВВП в этом случае мало изменялась. Тогда коэффициенты, рассчитанные по укрупненной секторной структуре, покажут незначительные сдвиги, а коэффициенты, рассчитанные по отраслям и подотраслям экономики, зафиксируют выраженные сдвиги. Однако интерес представляет не столько абсолютное значение показателей, сколько их динамика, характеризующая изменение интенсивности структурных сдвигов в экономике. Соответственно, нужно оценить, будет ли меняться характер информации, получаемой от динамики коэффициентов в зависимости от детализации отраслевой структуры и выбранного коэффициента. Значения коэффициентов корреляции между динамикой коэффициентов, рассчитанных по долям в ВВП 15 секторов экономики в текущих ценах с 2003 по 2011 г. и по доле 62 секторов и подсекторов экономики в ВВП за тот же период в ценах 2008 г. (таблица), показывают их согласованные изменения. Значения коэффициентов корреляции между рядами коэффициентов структурных сдвигов, рассчитанными различными способами, по более и менее детализированному набору отраслей в текущих и постоянных ценах находятся в пределах от 0,829 до 1, т.е. вне зависимости от рассчитываемого индикатора интенсивность структурных сдвигов в экономике получает одинаковую оценку.

**Динамика коэффициентов, характеризующих структурные сдвиги
в российской экономике по видам экономической деятельности с 2003 по 2011 г.
(по 15 секторам и в детализированной разработке по 62 видам экономической деятельности)**

Годы \ Коэффициенты	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
$K^{\Gamma(15)}$	0,0315	0,0301	0,0287	0,0373	0,0398	0,0374	0,0386	0,024	0,0141
$K^{\Gamma(62)}$	—	0,0027	0,0014	0,0027	0,0032	0,0012	0,0031	0,0009	0,0005
$K^K(15)$	0,0031	0,0025	0,0027	0,0031	0,0036	0,003	0,0034	0,0022	0,0013
$K^K(62)$	—	0,0011	0,0008	0,0009	0,0012	0,0009	0,0014	0,0007	0,0005
$K^P(15)$	0,0222	0,0213	0,0203	0,0264	0,0281	0,0264	0,0273	0,017	0,010
$K^P(62)$	—	0,0369	0,0261	0,0369	0,0401	0,028	0,0394	0,0214	0,0161

Рассчитано по: [12, таб. 11b; таб. 11c].

Российская макроэкономическая статистика не позволяет непосредственно рассчитать сопоставимые значения индексов структурных сдвигов за период с начала рыночных реформ (1992 г.) по настоящее время в связи с изменением Росстатом методологии учета. До 2004 г. расчет осуществлялся по отраслям производства, начиная с 2002 г. он ведется по видам экономической деятельности. Соответственно, сравнение

динамики выпуска и протекающих в экономике структурных сдвигов приходится разбивать на два интервала: 1992–2003 и 2003–2011 гг. Тем не менее это сопоставление интересно в силу ряда решаемых проблем.

Во-первых, оно позволяет понять, когда в экономике происходят наиболее существенные сдвиги — в периоды роста или падения. Соответственно, можно оценить, являются ли сдвиги в экономической структуре результатом целенаправленно проводимой экономической политики, или за этим стоит приспособление к рыночному давлению. Если изменения в отраслевой структуре усиливаются в ходе экономического роста, то можно предположить, что это следствие инвестиций, направляемых в соответствии с установленными приоритетами. И наоборот, возрастание интенсивности отраслевых сдвигов в ходе рецессии свидетельствует о приспособлении экономики к изменениям в структуре спроса.

Во-вторых, необходимо оценить характер структурных изменений, протекающих в российской экономике в периоды подъема и падения. На рис. 1 показана динамика ВВП Российской Федерации и коэффициента структурных сдвигов, в качестве которого используется интегральный коэффициент Гатева. Из приведенных данных видно, что ускорение структурных сдвигов начинается в периоды падения экономики, особенно масштабно эти процессы протекали в период трансформационного спада (1991–1996) и во время кризиса 1998 г. В то же время устойчивый рост ведет к стабилизации экономической структуры, коэффициент структурных сдвигов становится малоподвижным. В начале 1990-х годов происходит сжатие секторов материального производства и стремительное расширение сферы услуг, прежде всего торговли, деятельности по обеспечению функционирования рынка и финансов, кредита, страхования.

Изменения в структуре экономики в процессе кризиса 2008–2009 гг. не выглядят особо внушительно, но все же в этот период они ускоряются по отношению к предыдущим годам. В то же время в период экономического роста (2003–2007), когда прежде всего ставились задачи стратегического развития, модернизации экономики, перехода ее к инновационному развитию, структура экономики менялась незначительно.

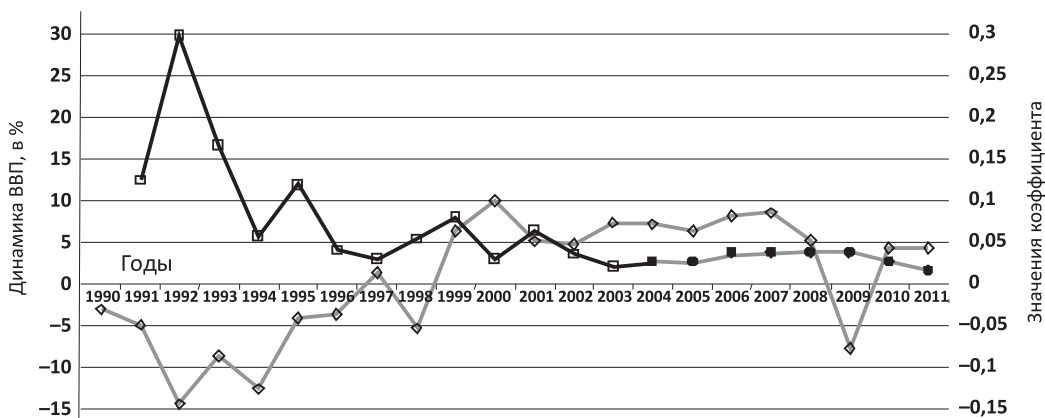

Рис. 1. Динамика ВВП России и коэффициента структурных сдвигов.

Обозначения: $\diamond$ изменение ВВП (в % к предыдущему году),

$\square$ K^T (по доле добавленной стоимости отраслей в ВВП),

$\bullet$ K^T (по доле добавленной стоимости видов экономической деятельности в ВВП).

Рассчитано по: [12; 13; 14].

Интерес представляет также сопоставление показателей структурных изменений выпуска и занятости (рис. 2). Как показано на графике, рынок труда в российской экономике приспосабливается к новой структуре спроса с запозданием в три–пять лет. Тектонические сдвиги в структуре выпуска в начале 1990-х годов привели к масштабному перераспределению занятых в 1997 г. Ответом на ускорение структурных изменений после кризиса 1998 г. становится значительное межотраслевое перераспределение рабочей силы в 2002 г.

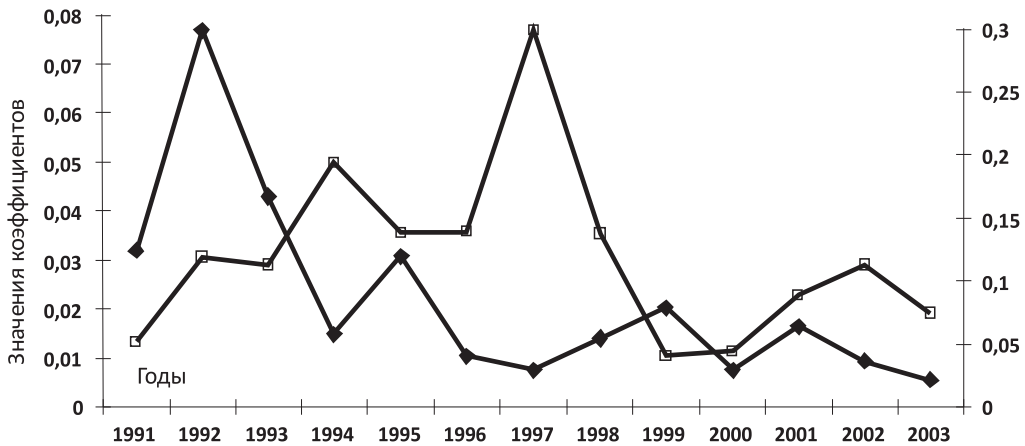

Рис. 2. Динамика коэффициентов структурных сдвигов по добавленной стоимости отраслей в ВВП и сдвигов в структуре занятости.

Обозначения: $\square$ K^T (занятость по отраслям) (левая шкала),

$\blacklozenge$ K^P (счет производства по отраслям в текущих ценах) (правая шкала).

Рассчитано по: [12; 13].

Характер структурных сдвигов в российской экономике

Важно понять не только взаимосвязь экономической динамики и интенсивности структурных сдвигов, но, главным образом, направленность последних: происходит ли в результате изменения объемов выпуска, занятости, потоков капитала между отраслями движение в сторону современной структуры производства, позволяющей генерировать инновации и развиваться на их основе, или при структурных изменениях наблюдаются упрощение экономики, утрата разнообразия и потенциала для дальнейшего роста?

Попытку оценить направленность процесса структурных изменений в экономике ряда развитых стран (США, Канада, Япония, Ю.Корея, Финляндия) предприняли А. Акаев, А. Сарыгулов, В. Соколов [15]. В качестве инструмента анализа ими применялись линейные аттракторы, т.е. фактически линейный тренд, отклонение от которого используется как показатель структурных сдвигов. При этом группировка отраслей носит произвольный характер. Объединение в одну группу «устоявшихся отраслей» строительства, торговли, добывающей промышленности и транспорта, которые в рассматриваемый период колебались с разной направленностью и разной интенсивностью, немного дает для понимания структурных изменений. Использование линейных

трендов, безусловно, показывает направленность процесса, но не подходит для его прогнозирования и оценки. Сами авторы в заключение делают вывод, что «достоинствами (линейных аттракторов) являются наглядность и простота содержания. Вместе с тем простые формы аттракторов, например линейные, далеко не всегда отражают меру изменения структурных сдвигов. В этом контексте еще ждет своего решения вопрос адаптации более сложных форм аттракторов применительно к особенностям экономических процессов» [15, с. 53].

Интересный подход к оценке структурных сдвигов предложен в работе О. В. Спаской [16]. Интенсивность структурных сдвигов предлагается оценивать через изменение углового расстояния между векторами структуры экономики в начальный и конечный периоды. При использовании этого показателя автору указанной работы удалось доказать наличие связи между темпами экономического роста и интенсивностью структурных сдвигов. Предлагаемый показатель интенсивности структурных сдвигов, пронормированный так, что его значения лежат в пределах от 0 до 1, выглядит следующим образом:

$$I_{s_t} = \left(\frac{2}{\pi} \right) \arccos \left(\frac{(\sum x_{it} x_{it-1})}{\sqrt{(\sum x_{it}^2 \sum x_{it-1}^2)}} \right), \quad (4)$$

где x_{it} — доля i -й отрасли в валовом показателе в период t .

В рамках данного подхода появляется возможность оценить качества сдвигов. Если в ходе изменения структуры экономики она приходит к некоторому заданному желаемому состоянию, то «структурные изменения, связанные с приближением к эталону, можно рассматривать как положительные, а изменения, ведущие к удалению от эталона, — как отрицательные» [16, с. 24].

К сожалению, эталонное состояние структуры задается исключительно субъективно, и если оно введено, то для оценки приближения к нему вполне успешно может применяться любой из коэффициентов структурных изменений. В этом случае данные, используемые в качестве эталонной структуры, подставляются вместо долей базисного периода, и чем ближе к нулю рассчитанный показатель, тем ближе структура нашей экономики к эталонной.

Структура экономики определяется множеством факторов, связанных с особенностями исторического развития, степенью вовлеченности в мирохозяйственные связи, местом в мировом разделении труда, уровнем экономического развития. Последний фактор имеет наиболее существенное значение. За прошедшие полвека структура развитых стран менялась однонаправленно и имела четко выраженный характер — сокращалась доля добывающего сектора (сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство, добывающая промышленность) и обрабатывающей промышленности, росла доля сферы услуг, особенно отраслей, связанных с воспроизводством человеческого потенциала (медицинское обслуживание, образование, рекреационные услуги) и науки.

Так, в США с 1950 по 2010 г. доля добавленной стоимости добывающего сектора в ВВП уменьшилась с 9,4 до 2,7%, обрабатывающая промышленность сократилась с 27 до 11,7%, в то время как доля здравоохранения и образования выросла с 2 до 8,7% (рассчитано по: [17]). С 1997 по 2009 г. в 27 странах ЕС доля сельского хозяйства в ВВП

сократилась с 3,7 до 2,4%, промышленности — с 19,8 до 14,9%, сфера услуг возросла на 5,7% [18, с. 37]. Снижение доли отраслей материального производства не сопровождается падением абсолютных размеров их выпуска, более того, рост произведенной добавленной стоимости в этих странах происходит за счет усложнения сохраняющегося производства. За период с 1995 по 2010 г. самые высокие темпы роста в европейской промышленности продемонстрировали в порядке убывания такие подотрасли, как оптические инструменты и фотооборудование, медицинская техника, моторы. В тот же период наиболее быстрыми темпами сокращалось производство магнитных и оптических носителей, текстиля, одежды [18, с. 60].

Структура ВВП стран со сходным уровнем экономического развития по соотношению основных секторов во многом совпадает. Соответственно, в качестве эталонной можно использовать отраслевую структуру добавленной стоимости в ВВП США в 1961 г. В этот период ВВП на душу населения США составлял около 16 000 долл. в ценах 2008 г., что соответствует ВВП на душу населения Российской Федерации 2008 г. по паритету покупательной способности, численность населения была равна 180,6 млн человек. Кроме того, страны сопоставимы по территории, наделенности природными ресурсами. Расчет скорректированного индекса Гатева, в котором в качестве базисного периода используется доля соответствующих секторов в ВВП США 1961 г., показывает следующую картину (рис. 3).

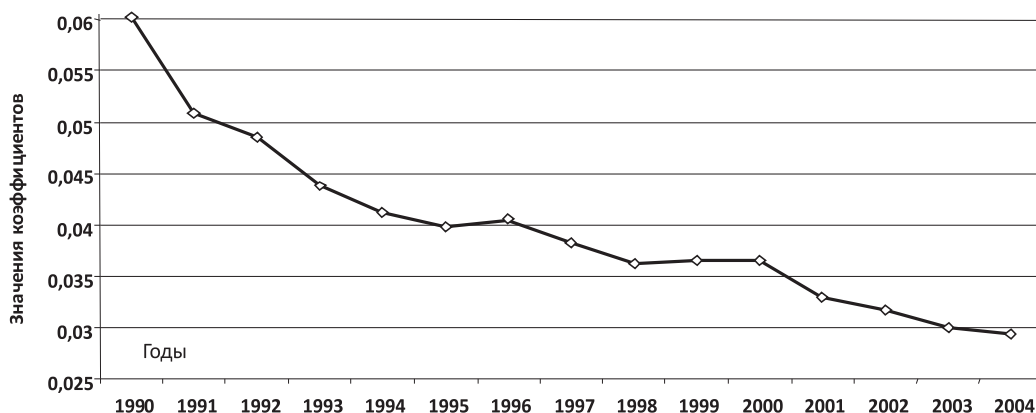

Рис. 3. Динамика коэффициентов структурных сдвигов в российской экономике по отношению к структуре экономики США в 1961 г.

Рассчитано по: [13; 14; 17, tab. 1.5.5].

Нетрудно заметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода структура российской экономики приближалась к американской с аналогичным уровнем развития. Важно отметить, что в течение 1990–1995 гг. этот процесс происходил быстрыми темпами, именно для указанного периода характерны наиболее глубокие структурные изменения в российской экономике, обусловленные переходом от директивного планирования к рыночному распределению ресурсов. Затем наступают некоторая стабилизация и замедление структурных изменений, и начиная с периода восстановительного роста 2000-х годов продолжается сближение экономических структур.

Несмотря на происходящие изменения, расхождения остаются достаточно значительными, а в ряде секторов возрастающими. Доля отраслей материального производства приближается к американской структуре экономики «сверху». Хотя до настоящего времени доля промышленности, сельского хозяйства, транспорта в ВВП Российской Федерации превышает аналогичные доли в ВВП США сопоставимого уровня развития, они достаточно быстро сближаются. Если учесть, что в структуре промышленности России доля добывающей промышленности превышает таковую в экономике США в четыре раза, это означает, что вес обрабатывающей промышленности России в создании ВВП уже уступает американской при аналогичном уровне развития экономики (рис. 4).

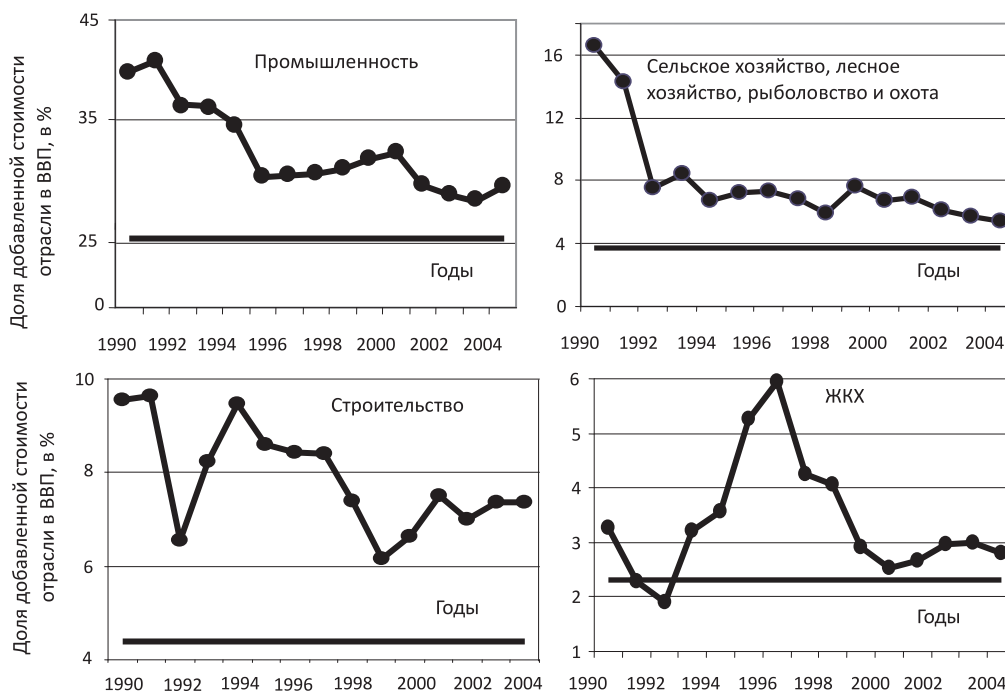

Рис. 4. Динамика долей отраслей материального производства в ВВП России с 1990 по 2004 г. в сопоставлении с долей соответствующих отраслей в экономике США в 1961 г.

Расчитано по: [13; 14; 17, tab. 1.5.5].

В сфере услуг Россия перегоняет США по доле торговли и финансовых услуг в ВВП, но значительно уступает по науке и научному обслуживанию. Резкий скачок доли торговли в ВВП приходится на 1992 г., что объяснялось особенностью российского переходного периода, когда стихийное развитие розницы стало условием выживания для населения, потерявшего заработную плату в промышленности. Указ о свободе торговли в сочетании с массовыми вынужденными отпусками, натуральной формой выплаты заработной платы наряду с прочими неурядицами того времени объясняют такую динамику. А вот последующее превышение доли соответствующих отраслей над американским аналогом становится отражением системных проблем сырьевой экономики, в которой объемы торговли и потребления зависят от импорта потребительской продукции (рис. 5). Падение доли науки и научного обслуживания в структуре ВВП по

отношению как к советскому периоду, так и к используемому аналогу выглядит особенно тревожно в настоящее время, когда движение в сторону инновационной экономики является необходимым условием поддержания конкурентоспособности.

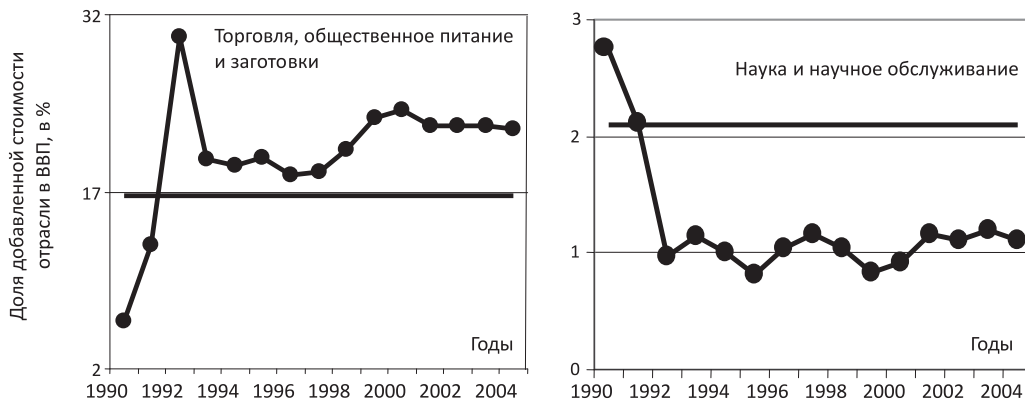

Рис. 5. Динамика долей отраслей в ВВП России с 1990 по 2004 г. в сопоставлении с долей соответствующих отраслей в экономике США в 1961 г.

Рассчитано по: [13; 14; 17, tab. 1.5.5].

Сближение структуры российской экономики с соответствующим аналогом пятидесятилетней давности США сопровождается утратой рядом отраслей высоких стадий переработки, снижением выпуска обрабатывающих производств с высокой добавленной стоимостью. В развитых странах понижение доли обрабатывающих производств происходит на фоне увеличения абсолютных объемов производства и вытеснения низкотехнологичных отраслей высокотехнологичными, расширения занятости в высокопроизводительных производствах, требующих квалифицированного труда. В России движение к новой экономической структуре происходит ускоренными темпами за счет сокращения абсолютных размеров выпуска, прежде всего отраслей промышленности высоких стадий переработки — машиностроения, приборостроения, электроники и т. д. Изменение структуры экономики происходит под давлением внешней конкуренции как за счет вытеснения российской продукции с внешних рынков, так и через последовательную потерю внутреннего рынка. Периоды наиболее глубокого падения в российской экономике одновременно были и периодами масштабных изменений ее отраслевой структуры, тогда как быстрый рост последнего десятилетия сопровождался ее консервацией. То есть инвестиции и расширение выпуска не вели к качественным переменам. Для того чтобы обеспечить изменения отраслевой структуры в желаемом направлении, прежде всего для восстановления и развития промышленного потенциала, необходимы целенаправленные меры по воздействию на структуру экономики — то, что традиционно называется промышленной политикой [19, с. 132].

Промышленная политика в догоняющем развитии

Необходимость государственного участия в решении проблем приоритетов развития, отбора наиболее перспективных проектов и направлений инвестирования, создания режима наибольшего благоприятствования для отдельных отраслей и фирм

в инновационной сфере отнюдь не общепризнанна. Помимо различий, обусловленных исходными позициями исследователей по отношению к целесообразности государственного вмешательства в экономическую жизнь, рекомендации по формам и степени государственного воздействия на экономическую структуру отличаются для условий инновационной экономики и модернизации отсталого производства в рамках догоняющей модели развития. Поскольку в странах развитого центра происходит «нащупывание» новых сфер деятельности, создание новых потребностей и форм их удовлетворения, то правительственное вмешательство в поиск и отбор приоритетов экономического развития вызывает серьезную критику. Для экономики догоняющего развития государство задает структурные приоритеты копируемых передовых экономик, и без активного давления с его стороны хозяйствующие субъекты не заинтересованы во вложениях в высококонкурентные и высокорискованные проекты, требующие серьезных затрат.

Традиционно аргументы о целесообразности государственного воздействия на экономическую структуру обосновываются наличием провалов рынка [20, с. 121–122; 21, с. 4]. Неполнота информации при принятии инвестиционных решений ведет к возрастанию рисков по мере увеличения сроков окупаемости проекта и радикальности инноваций, лежащих в его основе. Стимулы к осуществлению инвестиций у частного капитала определяются ожидаемой отдачей на капитал и увеличением стоимости компании, рост добавленной стоимости по экономике в целом для инвестора выступает внешним эффектом, не учитываемым в расчете окупаемости проекта. Для национальной экономики в целом качество занятости, спрос на образовательные услуги, научно-исследовательские разработки являются важными параметрами, определяющими желаемое направление отраслевых изменений. К тому же реальная жизнь существенно отличается от предпосылок классических моделей, и рыночная конкуренция на мировом рынке ограничена воздействием национальных государств, существующими договоренностями между крупными игроками рынка, монопольными эффектами и т. д. Рыночные механизмы восстановления равновесия эффективны при незначительных отклонениях экономики от оптимального состояния. Серьезные нарушения в экономической структуре и реализация структурных сдвигов требуют правительственного воздействия. В то же время ликвидация крупных диспропорций рыночным путем может привести к таким масштабам социальных и экономических потерь в ходе трансформации, которые превышают потенциальные выгоды и/или «прочность социально-политической системы» [22, с. 61–62].

Возражения против целесообразности разработки и проведения промышленной политики основываются на предположении об эффективности рынка в решении проблем аллокации ресурсов и учете потерь, порождаемых государственным вмешательством [23, с. 11; 24]. Если при этом учесть бюрократизацию процедур разработки и принятия решений, выделения средств и контроля над их использованием, а также коррупцию, воздействующую на отбор отраслей и предприятий, наиболее важных с точки зрения долгосрочного развития, становится очевидным, что практика реализации промышленной политики порождает не меньше проблем, чем практика рыночного развития.

В реальной практике возникает проблема «второго лучшего решения», поскольку и силы свободного рынка, и действия правительства ведут к неоптимальному размещению ресурсов, и количественное соотношение потерь от неверно или несвоевре-

менно принятых решений о направлениях структурных изменений неизмеримо. Как показывают обзорные работы по истории промышленной политики, в тех или иных формах государственное воздействие на направленность промышленного развития, защита внутреннего рынка от недобросовестной (или более эффективной) внешней конкуренции, выращивание «национальных чемпионов» было свойственно развитым странам на протяжении всего XX столетия [25–27]. Сочетание мер промышленной политики и поддержания конкуренции менялось за этот период во всех странах, и их оптимальное соотношение подыскивалось эмпирическим путем. Подбор адекватных ситуации мер промышленной политики основывается больше на эмпирическом «нащупывании», чем на научном обосновании. Д. Родрик в статье с выразительным названием «Промышленная политика: не спрашивайте, почему, спросите, как» на основе обзора опыта трех развивающихся стран приходит к выводу, что «различные возражения против индустриальной политики менее сильны, чем они кажутся на первый взгляд. Они основаны на неисследованных предположениях о природе экономического развития и возможностях правительств. Они искажают то, что действительно показывает эмпирическая реальность. Они игнорируют факт, что многие (если не большинство) развивающиеся страны уже проводят промышленную политику, даже если они не называют ее так» [28, р. 26]. В другой работе Д. Родрик выделяет стилизованные факты, характеризующие экономическое развитие, противоречащие принятым представлениям о благотворности специализации и международном разделении труда:

- экономическое развитие требует диверсификации, а не специализации;
- к числу быстрорастущих стран относились только страны с крупным промышленным сектором;
- ускорение роста связано с индустриализацией;
- направления специализации не жестко задаются наделенностью факторами;
- страны, обеспечившие экспорт более сложных товаров, росли быстрее [29, р. 9–15].

Промышленная политика в этих условиях становится одним из факторов экономического развития (или регресса), а меры ее проведения — заметно более радикальными и ущемляющими работу рыночного механизма, нежели в условиях развитых стран. К числу инструментов проведения промышленной политики стран догоняющего развития относятся меры протекционистской защиты национальных производителей, вызывающие наибольшие возражения с точки зрения классической экономической теории.

Расхождение между теорией и практикой в вопросе о целесообразности защиты национального производства, о котором в начале XIX столетия писал Ф. Лист, сохраняется и поныне. «Если ввозные пошлины требуют жертв в ценности, то эти жертвы уравновешиваются приобретением производительной силы, которая обеспечивает нации на будущее время не только бесконечно большую сумму материального богатства, но, кроме того, и промышленную независимость на случай войны» [30, с. 131–132].

Неприятие протекционизма в его неприкрытых формах таможенной защиты и преференций национальному производству становится аксиомой современной экономической мысли. Теоретические работы, ставящие под сомнение благотворность международной конкуренции и открытости экономики для национального развития, априори попадают на периферию экономической теории. Между тем существуют эмпирические свидетельства, показывающие, что между темпами роста и таможенным

протекционизмом существует положительная связь. Так, эконометрические расчеты по широкой выборке стран в различные исторические периоды, осуществленные В. Поповым, показывают, что между таможенными пошлинами и темпами экономического роста существует зависимость, рост доли экспорта в ВВП положительно связан с темпами экономического роста, а импортные таможенные пошлины не влияют на долю экспорта в ВВП. «Феномен “экономического чуда” — быстрого роста в течение двух десятилетий и больше — в послевоенный период практически всегда был связан с повышением доли инвестиций и экспорта в ВВП и практически никогда — с низким уровнем таможенной защиты. Вопреки, казалось бы, здравому смыслу, именно протекционистские страны увеличивали быстрее всех долю экспорта в ВВП и становились “драконами” и “тиграми”, тогда как страны, практиковавшие свободную торговлю, так и не удивили мир ни быстрым увеличением экспорта, ни высокими темпами роста» [31, с. 193–194]. Это же подтверждает приведенная в работе Э. Райнерта длительная историческая ретроспектива экономического развития стран богатого Севера, быстрорастущего Востока и бедного Юга [32].

Обзор эмпирических работ по проблемам взаимосвязи темпов экономического роста и торговым барьерам, предпринятый Д. Родриком и Ф. Родригесом наряду с собственными расчетами, привел авторов к следующему выводу: «Будь отрицательная связь между торговыми ограничениями и экономическим ростом убедительно подтверждена, мы сомневаемся, что эта проблема продолжила бы генерировать такое большое количество эмпирических исследований... Тенденция сильно преувеличивать систематическую очевидность в пользу торговой открытости имела существенное влияние на политику по всему миру. Нас беспокоит то, что приоритет открытой торговли генерировал надежды, которые вряд ли будут оправданы, и это, возможно, вытеснило другие институциональные реформы с потенциально большими выгодами» [33, р. 316–317].

Вопрос заключается не в необходимости или целесообразности проведения промышленной политики, а в формах ее реализации и механизмах, через которые при существующих ограничениях можно обеспечивать реализацию стратегических структурных целей. С одной стороны, это должны быть меры, сходные с европейской практикой поддержки конкурентоспособности национального производства через создание эффективных институтов, снятия административных барьеров, поддержки науки и обучения персонала. С другой стороны, необходимо приспосабливаться к новым условиям и формировать спрос на продукцию внутреннего производства, стимулировать экспорт национальных корпораций, формировать и выводить на глобальные рынки «национальных чемпионов».

Заключение

Амбициозные цели, сформулированные в документах по инновационной политике и стратегии развития России до 2020 г., могут быть реализованы только в том случае, если базой для построения инновационной экономики, для достижения которой предполагаются масштабные бюджетные вложения, станет промышленная политика, направленная на последовательное формирование оптимальной отраслевой структуры. При этом меры по стимулированию предложения через снятие барьеров для рыночной конкуренции и по созданию общих благоприятных условий для ведения про-

мышленного производства путем стимулирования научно-технических разработок и подготовки кадров, характерные для развитых стран, требуют серьезных бюджетных вложений и уже сложившейся высокоэффективной конкурентоспособной экономики. Текущее состояние российской экономики предполагает прямые способы воздействия на формирование отраслевой структуры, свойственные развивающимся экономикам, — стимулирование спроса на продукцию приоритетных отраслей национальной промышленности, содействие концентрации капитала и появлению «национальных чемпионов» (возможно, в ущерб внутренней конкуренции, финансовой и политической поддержке экспорта), создание благоприятных условий для инвестирования в приоритетные отрасли. Единственным критерием целесообразности применяемых инструментов должны быть долгосрочные интересы развития страны и воздействие на уровень благосостояния ее населения.

Широкий спрос на инновации генерируется, прежде всего, обрабатывающей промышленностью, причем ее массовыми отраслями. Задача заключается в восстановлении обрабатывающей промышленности в стране. Запуск инвестиционного роста требует правительственного мониторинга за экономической структурой. Необходимо добиваться последовательного расширения добавленной стоимости обрабатывающей промышленности в выпуске и экспорте. Должна ставиться задача последовательного повышения доли высокотехнологичных отраслей в промышленном выпуске. Расширение высокотехнологичных производств, помимо всего прочего, решает проблему дефицита рабочей силы и отказа от массовой миграции.

Расширение высокотехнологичного экспорта наиболее реально за счет вхождения в цепочки создания стоимости, пусть даже без контроля над этим процессом [34]. Четко выраженная направленность на развитие узкой группы отраслей всеми крупнейшими мировыми экономиками создает именно в этих направлениях наиболее жесткую конкурентную среду [35, с. 10]. Необходимо искать ниши, в обеспечении которых российское производство располагает соответствующими преимуществами на мировом рынке, либо включаться в цепочки в качестве поставщиков определенных технологий, узлов, комплектующих.

Литература

1. Амосов А. К дискуссии о новой индустриализации // *Экономист*. 2009. № 6. С. 14–29.
2. Грандберг З. Неоиндустриальная парадигма и закон вертикальной интеграции // *Экономист*. 2009. № 1. С. 37–44.
3. Кузык Б., Яковец Ю. Альтернативы структурной динамики // *Экономист*. 2007. № 1. С. 3–14.
4. Петров А., Поспелов И. Инновационно-прорывной путь развития: прогнозные параметры // *Экономист*. 2007. № 1. С. 15–28.
5. Глазьев С. Ю. О задачах структурной политики в условиях глобальных технологических сдвигов. Ч. 2 // *Экономическая наука современной России*. 2007. № 4. С. 31–44.
6. Навой А. Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найди 10 отличий // *Вопросы экономики*. 2009. № 2. С. 24–38.
7. Казинец Л. С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике. М.: Экономика, 1981. 184 с.
8. Казинец Л. С. Измерение структурных сдвигов в экономике. М.: Экономика, 1969. 167 с.
9. Беркович Л. А. Взаимосвязь процессов интенсификации производства и структурных сдвигов в экономике. Новосибирск: Наука, 1989. 154 с.
10. Винтрова Р., Неишпорова А. Структурные сдвиги в процессе интенсификации экономики // *Известия АН СССР. Сер. «Экономика»*. 1987. № 2. С. 60–73.
11. Технический прогресс и структурные сдвиги в экономике / под ред. К. К. Вальтуха, В. И. Павлова. Новосибирск: ИЭИОПП, 1987. 162 с.

12. Росстат. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account/tab11b.xls> (дата обращения: 3.10. 2012).
13. Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001.
14. Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2006.
15. Акаев А., Сарыгулов А., Соколов В. Линейные аттракторы как мера оценки структурных изменений // Экономическая политика 2010. № 4. С. 40–54.
16. Спаская О.В. Макроэкономические методы исследования и измерения структурных изменений // Научные труды Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2003. С. 20–39.
17. Bureau of Economic Analysis. URL: / <http://www.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=5&step=1> (дата обращения: 3.10.2012).
18. EU Industrial Structure 2011—Trend and Performance. Luxembourg: Publications Office of European Union, 2011. 148 p.
19. Калинин А. Построение сбалансированной промышленной политики: вопросы структурирования целей, задач, инструментов // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 132–146.
20. Луввер Э. Россия: настоятельная необходимость в амбициозной промышленной политике // Доклады РЕЦЭП. 2005. № 5 (9). С. 113–148.
21. Симачев Ю., Кузык М., Иванов Д. Российские финансовые институты развития: верной дорогой? // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 4–29.
22. Андрианов К. Н. Необходимость разработки и реализации промышленной политики Российской Федерации // Экономический журнал. 2008. № 3(13). С. 60–68.
23. Айххофф Н. Политика поддержки конкуренции, или «Новая» промышленная политика // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 3. С. 5–11.
24. Spissinger K., Block W., McGee R. W. No Policy is Good Policy: A Radical Proposal for US Industrial Policy // Glendale Law Review. 1999. Vol. 17, N 1. P. 47–58.
25. Foreman-Peck J. Industrial Policy in Europe in the 20th Century // EIB PAPERS. 2006. Vol. 11, N 1. P. 36–62.
26. Maincent E., Navarro L. A Policy for Industrial Champions: From Picking Winners to Fostering Excellence and the Growth of Firms // Industrial Policy and Economic Reforms Papers. 2006. N 2. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/newsroom/cf/_getdocument.cfm?doc_id=4187 (дата обращения: 10.10. 2012).
27. Mosconi F. The Age of «European Champions» a New Chance for EU Industrial Policy // The European Union Review. 2006. Vol. 11, N 1. P. 29–59.
28. Rodrik D. Industrial Policy Don't Ask Why, Ask How // Middle East Development Journal. 2008. Demo Issue. P. 1–29.
29. Rodrik D. Industrial Development: Some Stylized Facts and policy directions // Industrial Development for the 21st Century: Sustainable Development Perspectives. New York, 2007. P. 9–15.
30. Лист Ф. «Национальная система политической экономии». Граф С. Ю. Витте «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист». Д. И. Менделеев «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года». М.: Европа, 2005. 384 с.
31. Попов В. Технология экономического чуда: нетрадиционный взгляд на протекционизм, экспортную ориентацию и экономический рост // ПРОГНОЗИС. 2006. № 2 (6). С. 226–252.
32. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. Серия «Экономическая теория». М.: НИУ-ВШЭ, 2011. 384 с.
33. Rodriguez F., Rodrik D. Trade Policy and Economic Growth: A Skeptic's Guide to the Cross-National Evidence // NBER Macroeconomics Annual 2000, 2001. Vol. 15. P. 261–338. URL: <http://www.nber.org/books/bern01-1> (дата обращения: 8.10.2012).
34. Бляхман Л. С. Постиндустриальный капитализм: вызовы модернизации и уроки для России // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2011. Вып. 4. С. 3–21.
35. Пахомова Н. В., Смирнов С. А. Инновационная экономика: структурные приоритеты и индикаторы // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2011. Вып. 3. С. 18–30.

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2012 г.